

Выступление митрополита Волоколамского Илариона перед членами Ученого совета Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»

Глубокоуважаемый Михаил Николаевич!
Досточтимые члены Ученого совета!

Искренно рад тому, что нахожусь сегодня в стенах прославленного научно-образовательного центра – Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

Выступать перед столь высоким академическим собранием – Ученым советом университета – для меня большая честь.

В то же время это и большая ответственность, потому что я выступаю прежде всего как священник и богослов, обращаясь к ученым, представляющим в основном естественные и точные науки. И моя задача заключается в том, чтобы, несмотря на все различия между сферой церковной и сферой современного естествознания, обозначить некое общее пространство, которое может эти сферы объединять, то есть пространство взаимопонимания и плодотворного сотрудничества.

Два с половиной года назад Святейший Патриарх Кирилл освятил в МИФИ домовый храм в честь Смоленской иконы Божией Матери, положив тем самым твердую основу для взаимодействия Церкви и университета. Храм, в котором регулярно совершаются богослужения согласно церковному календарю, – обязательная, неотъемлемая часть такого взаимодействия. Знаю, что этот храм привлекает в свои стены преподавателей и студентов, а также является центром многообразной деятельности: от лекций о православии до паломнических поездок и благотворительных акций.

Храм в современном отечественном университете – это возможность для православных студентов и преподавателей, а также для всех, кто находится в духовном поиске и проявляет интерес к Православию, реализовать свое право на свободу вероисповедания непосредственно в стенах своего вуза.

Такое присутствие Церкви в университете опирается на принцип добровольности, свободы совести. Храм открыт для всех, но, переступая порог храма, человек на время как бы покидает академическое пространство, входя в пространство собственно церковное.

Сегодня я бы хотел поговорить о другом типе возможного сотрудничества университета и Церкви – о сотрудничестве именно в академическом пространстве.

У нас уже есть позитивный опыт такого сотрудничества. Так, например, в начале этого года здесь, в МИФИ, состоялись курсы повышения квалификации для преподавателей духовных школ, организатором которых выступила Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых Кирилла и Мефодия. В течение двух недель в этих стенах преподаватели богословских учебных заведений, которые читают курсы по основам естествознания и по вопросам соотношения науки и религии, слушали лекции ведущих российских ученых – в основном физиков, но были также лекции, посвященные современной биологии, геологии и географии.

Это хороший пример прямой встречи богословов и ученых-естественников, когда преподаватели богословских школ могут из первых рук получить сведения о достижениях и проблемах современной науки, а также о самой процедуре получения научного знания. И мы обязательно будем продолжать такого рода встречи, привлекая представителей разных научных специальностей и исследовательских направлений.

Сейчас мы подошли к тому, чтобы наладить сотрудничество, так сказать, в обратном направлении. Речь идет о том, чтобы создать в университете отдельную кафедру теологии.

Но прежде чем говорить о конкретных направлениях деятельности такой кафедры хотел бы остановиться на вопросе о том, что в действительности стоит за этим термином: теология (или, по-русски, богословие).

Теология – многозначный термин. В языческой древности так называли «учение о богах», авторитетными выразителями которого были древнегреческие поэты. У Аристотеля теология становится частью философской системы, которая посвящена «учению о божественном». Этот термин использовался и другими античными философами.

В христианской традиции первоначально «теологией» именовалось учение о Троице и Боге. Позднее, по мере формулирования основных вероучительных догматов, которое происходило в ходе богословских споров, сфера «теологии» расширялась.

В настоящее время под богословием в широком смысле понимается вся система дисциплин, преподаваемых в духовных школах.

В этой системе фундаментальное значение имеет догматическое богословие, то есть

систематическое изложение вероучения. Ему логически предшествует т.н. основное богословие (или апологетика), представляющее собой рациональное обоснование религиозной веры. Нравственное богословие, как говорит само наименование, является изложением христианской этики. Но и другие дисциплины, такие как литургика (посвященная богослужению), гомилетика (искусство проповеди), каноническое право, равно как библеистика и церковная история, тоже являются богословскими, поскольку опираются на вероучительный фундамент. Кроме того, сравнительное богословие посвящено изучению неправославных традиций, а пастырское богословие является дисциплиной церковно-практического характера. Есть и другие, более узкие и специальные, дисциплины.

Эта система богословских дисциплин, существующих в духовных школах, призвана формировать прежде всего будущих священнослужителей, а также собственно богословов и сотрудников различных церковных организаций и структур.

Я специально кратко обозначил эту систему церковно-образовательных дисциплин, чтобы акцентировать важный момент: когда мы говорим о теологии в рамках светской системы образования, речь никоим образом не идет о перенесении системы богословского образования из духовной школы в светскую.

У церковных учебных заведений – свои собственные, особые задачи. Это то, что традиционно у нас именуется «духовным образованием». В формальном смысле это высшее профессиональное религиозное образование, которое является внутренним делом Церкви как религиозного объединения граждан.

Соответственно, возникает вопрос: что же такое теология за пределами церковных богословских школ – в светском образовательном пространстве?

Постараюсь ответить на этот вопрос.

Думаю, в данном случае не обойтись без понятия культуры, которое самым тесным образом связано с понятием образования. А последнее – с университетом.

Что такое университет по своей первоначальной идее? Это высшее учебное заведение, которое вводит человека в универсум знаний, приобщает к культуре и науке в различных ее областях. Таким был средневековый университет, в котором специализация сочеталась с приобщением ко всем существующим в то время наукам. И в таком университете теология была высшей ступенью образования.

В Новое время и в новейшую эпоху представление об университете менялось. Постепенно европейский университет стал светским по своему характеру – что, однако, не означало изгнания из университета теологии как одной из дисциплинарных областей. Наоборот, во многих университетах Европы факультет теологии является неотъемлемой частью образовательного процесса.

Если перенестись в нашу эпоху, то в последнее время многие отечественные вузы были переименованы из «институтов» в «университеты». Не всегда такое переименование представляется вполне оправданным, но в том случае, когда специализированные вузы открывают дополнительные непрофильные факультеты, они действительно становятся университетами в современном смысле: то есть вузами, где существуют различные – как естественные, так и гуманитарные – факультеты и, соответственно, где учащиеся могут получить образование по различным специальностям.

Конечно, средневековый европейский университет сегодня никоим образом не может быть образцом. И вряд ли было бы реалистичным стремиться к тому, чтобы вернуться от нынешней специализации в высшем образовании к более или менее универсальному образованию, которое, скажем, давал российский университет сто и более лет назад.

В то же время университет (а в принципе – любой вуз) призван к тому, чтобы, кроме специального образования, давать и общее образование. И он это делает – через обязательные и факультативные курсы. Для естественников – это общие курсы по основным гуманитарным дисциплинам (как, скажем, философия); для гуманитариев – курсы по основам естествознания.

И здесь мы возвращаемся к понятию культуры. Не может быть культурного, образованного человека – человека, получившего высшее образование – без этих «дополнительных» курсов, вводящих в те сферы знания, которые не являются частью его непосредственной специализации. Потому что культура – это универсум. Культура, из которой изъяты какие-то важнейшие ее составляющие, просто перестает быть культурой.

Можно ли представить себе «образованного» физика, не знакомого с теорией относительности? Или биолога, ничего не знающего об эволюции?

Но равным образом и человек, который окончил вуз естественнонаучного профиля и при этом получил хотя бы самые общие представления о философии, обществознании, истории культур, но который ничего не знает о религиозной традиции, о христианской мысли и культуре, вряд ли может считаться образованным человеком.

Когда мы сегодня говорим о необходимости включения теологического компонента в систему дополнительных гуманитарных дисциплин, уже существующую в вузе естественнонаучного профиля, а тем более в университете, к этому нас побуждает не только представление о культуре как универсуме знания. Есть еще, как минимум, две причины, о которых нужно сказать.

Во-первых, наследие советского периода. Это был период радикального изгнания религии не только из образования разных уровней, но и вообще из жизни людей. Формально религия была разрешена – как сугубо частное дело граждан. Но в реальности верующий человек считался маргиналом, изгоем, носителем застарелых предрассудков. Все религиозные традиции были вычеркнуты из общественной жизни. Такая насильственная секуляризация была гораздо более жесткой, чем «естественная» секуляризация в западных обществах. И мы до сих пор не можем преодолеть это советское антирелигиозное наследие.

Но есть и другая причина: очевидный рост общественной роли религии в современных обществах, и на Востоке и на Западе. Вопреки предсказаниям, которые звучали в минувшем веке, значимость религии для современного человека не снижается с ростом научного знания, с развитием технологий и открытием новых горизонтов в познании и практической деятельности. Потому что религия отвечает на очень важные, предельные вопросы человеческого существования в этом мире, и те ответы, которые она дает, находятся в иной плоскости по сравнению с достижениями научно-технического прогресса.

Таким образом, кто-то до сих пор рассматривает религию как мракобесие, повторяя прописи советского «научного атеизма». Но одновременно многие люди заново открывают для себя мир религиозной веры и опыта, несмотря на процессы секуляризации и вопреки этим процессам.

Эта ситуация представляется не только новой – и поэтому требующей особого внимания, – но и в определенном смысле опасной. Потому что она чревата общественными конфликтами. И, к сожалению, признаки таких конфликтов мы уже видим.

В чем причина этих конфликтов?

Думаю, что одной из главных причин является невежество – то есть отсутствие адекватного знания о религии, о христианской традиции, о Церкви в нашем обществе. И в его образованной части в том числе.

Именно поэтому нам нужно работать над тем, чтобы в рамках высшего образования присутствовал общеобразовательный теологический компонент.

Что в данном случае понимается под «теологией»?

Можно выделить два аспекта этого теологического компонента.

Первый аспект – это сообщение самых общих знаний о христианстве, о православной традиции, в том числе русской, о Церкви как особом религиозном феномене, несводимом к иным областям человеческой жизни и деятельности, в том числе к культуре в ее секулярном, безрелигиозном понимании. Если такого рода знания не будут доступны молодым людям, получающим высшее образование, тем более естественнонаучное, в будущем мы будем иметь дело либо с невежественными антиклерикалами, которые борются с ветряными мельницами, либо с религиозными фантазерами, каждый из которых придумывает себе свою собственную веру и религию.

Второй аспект касается именно культурного измерения христианской традиции. Христианство является одним из фундаментов европейской культуры и, в частности, одним из источников новоевропейской науки. Без рациональности, свойственной христианской теологии, невозможно себе представить развитие европейской мысли последних столетий. И сам спор между наукой и религией, доходивший порой до открытого противостояния, по существу является «домашним спором» – в пространстве европейской культуры. Этот спор продолжается, и сегодня наша задача в том, чтобы он был продуктивным, чтобы он открывал новые горизонты и создавал возможности для новых, нестандартных решений.

Хотел бы быть правильно понятым. Когда я говорю о культурном аспекте христианства, то совсем не имею в виду какого-то внедрения, тем более насильственного, в область научных исследований со стороны теологии. Мы никоим образом не покушаемся на автономию науки. Более того, мы утверждаем, что сфера науки принципиально отличается от сферы религии. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» ясно говорится, что «научное и религиозное познание имеют совершенно различный характер. У них разные исходные посылки, разные цели, задачи, методы. Эти сферы могут соприкасаться, пересекаться, но не противоборствовать одна с другой» (XIV.1).

Моя главная мысль заключается в следующем.

Знание о христианской традиции, о религиозном способе мышления, то есть о теологической рациональности, и о культурном измерении христианства необходимо для полноценного приобщения к культуре вообще, к европейскому культурному наследию. Секуляризованный, то есть усеченный, взгляд на культуру создает искаженное представление об истории и современном состоянии того мира, в котором мы живем.

В то же время такое знание усиливает творческий потенциал специалиста и ученого. Если широта культурного кругозора исследователя, его приобщенность к литературе и искусству, а также принципиальная готовность к реализации междисциплинарного подхода способствуют его научной деятельности, то включение в эту «гуманитарную» перспективу религиозной составляющей – без какого-либо идеологического насилия – будет лишь расширять его интеллектуальный горизонт.

Теология в светском университете – это не навязывание религиозного мировоззрения. Это прежде всего восполнение того культурного универсума, вводить в который университет призван. Это возвращение в культуру и образование той религиозной, христианской составляющей, которая в прошлом была насильственно изъята из отечественного университета.

Такое возвращение будет и проявлением интеллектуальной и духовной открытости университета, который тем самым освобождается от «научного догматизма», запрещающего религии приближаться к светскому образованию, и который готов к свободной встрече науки и богословия – как рационального измерения религии. Готов к такой встрече в общем академическом пространстве, где нет места для какого-либо идеологического насилия.

При таком подходе, думаю, мы можем вместе обсуждать вопрос о том, какое место может занять кафедра теологии в структуре университета.

На мой взгляд, кафедра теологии должна быть одним из элементов общеобразовательного дисциплинарного блока. При этом очень важно, чтобы ее деятельность была согласована с деятельностью других гуманитарно-обществоведческих кафедр, отвечающих за философские, исторические, социологические, культурологические и иные подобные дисциплины. Только в рамках системного подхода к работе этого дополнительного учебно-дисциплинарного комплекса теология сможет занять свое законное место.

Какими могут быть направления работы кафедры теологии?

Во-первых, это учебный компонент, то есть факультативные курсы обзорного характера по истории Церкви, ее вероучению, а также курсы, посвященные интеллектуальной христианской традиции в жанре «истории идей» и вкладу христианства в культуру – европейскую, но прежде всего российскую.

Во-вторых, это такой компонент, который можно назвать дискуссионным. Прежде всего это семинары и иные дискуссионные встречи, посвященные общей теме «Наука и религия» или

«Наука и христианское богословие». В настоящее время в рамках деятельности Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви, которое является официальной церковной дискуссионной площадкой, ведется работа над документом «Соотношение веры и науки», в котором будет выражена позиция нашей Церкви по отношению к современной науке. Мы придаем большое значение этому документу. Первый проект такого документа уже обсуждался нами в Московском и Петербургском университетах. Мы приглашаем к этой работе ученых из других научных и научно-образовательных структур.

И, наконец, в-третьих, кафедра теологии может проводить самостоятельные исследования. Например, эта кафедра может курировать диссертационные исследования, защита которых будет осуществляться в других академических структурах, где имеются соответствующие диссертационные советы.

При этом важно обозначить следующее: кафедра теологии не будет вмешиваться в деятельность иных кафедр, как естественнонаучных, так и гуманитарно-общественных. В то же время она будет открыта к любому сотрудничеству с другими кафедрами, если с их стороны проявится желание и готовность к такому сотрудничеству.

Сегодня мы часто говорим о духовно-нравственном возрождении и преобразении нашего общества. Это очень важная задача, хотя ее можно понимать можно по-разному: Церковь предлагает свое понимание этой задачи, светская часть нашего общества предлагает иное понимание. Но, думаю, что в общем стремлении к позитивному общественному развитию мы едины.

Чтобы актуализировать это единство цели, необходим свободный и ответственный диалог, необходимо соработничество, в которое вовлечены разные части нашего общества. Церковь готова участвовать в таком диалоге, отстаивая свои принципы, но со вниманием относясь к носителям иных взглядов.

Университет представляет собой особое и уникальное пространство для встречи, дискуссии и плодотворного взаимодействия Церкви и общества, богословия и науки, представителей разных взглядов, готовых взаимодействовать в общем пространстве ответственной мысли.

Надеюсь, что Университет «МИФИ», где уже есть православный храм, станет также и местом свободной академической дискуссии и плодотворного сотрудничества православного богословия и современной науки.

Благодарю за внимание.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/53580/>